



ЭВРИКА!

Михаил Северин

*Сатирический роман о человеке,
который стал писателем, миллионером
и вывел на чистую воду тайных владык мира,
не вставая с дивана*

Михаил Северин

Эврика

<https://litres.ru/74196883>

SelfPub; 2026

Аннотация

У вас есть такой знакомый. Всю жизнь ждал славы — по возрасту положена, как пенсия. И вот дождался: нейросеть пишет ему романы, интернет рисует улыбку, телеграм делает миллионером. Талант больше не нужен — достаточно кнопки. Эпоха, о которой мечтали все бездарности на свете, наконец наступила.

Андрей Михайлович Комов взял от неё всё. Роман — есть. Миллион — есть, пусть и штуками. Читатели — есть, он их сам себе написал. Осталось получить признание — а с ним у Комова разговор короткий: не признаёте добром, признаете через кожанку.

Сосед рассказывает эту историю смеясь. Дочитаете — и перестанете смеяться ровно на минуту: ту, когда узнаете в Комове кого-то из своей записной книжки.

Или из зеркала.

Содержание

Как Андрей Михайлович стал писателем

4

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Михаил Северин

Эврика

Как Андрей Михайлович стал писателем

Живёт в нашем городе человек — Андрей Михайлович Комов. По паспорту пенсионер, по ремеслу школьный фотограф, а по внутреннему убеждению — фигура исторического масштаба, до времени не расчехлённая.

Хлеб Андрея Михайловича — выпускные альбомы. Май у него страда: одиннадцатые классы, белые банты, мамы с влажными глазами. Комов ходит вдоль шеренги с лицом Караваджо, которого заставили снимать на паспорт.

— Десятый ряд, не жуём! — командует он. — Девочка с бантом, взгляд в вечность! В вечность, я сказал, а не в телефон!

Рассадив выпускников амфитеатром, он отходит, щурится — и страдает. Композиция гениальна, свет ложится, как в Эрмитаже, а ценить некому.

— «Тайная вечеря», — бормочет Андрей Михайлович, — и та пожиже будет.

— Андрей Михалыч, — торопит директриса, — у детей

через десять минут физика.

— У Леонардо, — отвечает Комов с достоинством, — физики не было. Потому и Леонардо.

Дети ржут в кулак, директриса вздыхает, а художник внутри Андрея Михайловича тихо плачет. Художнику тесно. Художник ждёт своего часа тридцать восьмой год.

С искусствами Комов накоротке — со всеми сразу. О своём актёрском прошлом говорит сдержанно, как большие мастера: в детском саду на утреннике играл Снежинку — был фурор, овации. С тех пор при любом разговоре о театре он веско вставляет: «Я, как актёр, скажу» — и до сих пор помнит, как держал паузу. Зал замер — а он стоит. Держит.

Тут я обязан предупредить: не подумайте, что Комов — зверь редкий, краснокнижный. Комовых нынче в каждом дворе по экземпляру, а где новостройки — по два. Порода живучая: к искусствам прикосновенны, трудом не запятнаны, славы ждут, как пенсии, — по возрасту положена. Андрей Михайлович среди них даже не худший. Он, скорее, эталон: по нему удобно выставлять остальных.

Фотоаппарат Комов взял в руки ещё в школе — глядя на дворового приятеля Пашку, нынешнего Павла Сергеевича. Пашка снимал — и Комов стал снимать. Пашка после института пошёл в газету — Комов институт тоже окончил, положил диплом в сервант и больше его не тревожил: сперва женился, потом прилёг. Пашка с годами выбился в литераторы, печатается по журналам, стоит на магазинных полках. Комов

снимает выпускные альбомы. При встречах он хлопает Павла Сергеевича по плечу и говорит с ностальгической слезой: «Всю жизнь, Паша, я за тобой — след в след». Тот кивает. Спорить с Комовым — занятие пустое: слова входят в него, как гвоздь в воду.

Была, к слову, у Андрея Михайловича и первая проба величия. Лет двадцать назад он открыл для себя плагин к фотошопу: нажимаешь — и снимок делается почти картиной маслом. Комов воспрянул. Месяц штамповал полотна, развесил их в интернете, назвалса художником и стал ждать ценителей с кошельками. Не пришёл никто. Зато вышел спор, который Павел Сергеевич запомнил надолго.

— А труд-то твой в чём? — простодушно удивился он тогда.

— Так ты же сам фотошопом пользуешься! — оскорбился Комов в лучших чувствах.

— Пользуюсь, — согласился Павел Сергеевич. — Только я в нём работаю. А ты в нём кнопку жмёшь.

Комов не понял. Он и сейчас этой разницы не понимает, а уж тогда — тем более. Художника не вышло, полотна тихо скончались в интернете, и величие легло обратно в чехол — ждать следующей кнопки.

Следующая проба вышла солиднее. Комов прознал, что средство массовой информации нынче регистрируют на себя, как дачу: бумаг немного, а звучит — как орден. Так на свет явилась «Межгалактическая правда» — сетевое изда-

ние со штатом из одного человека, зато с государственным свидетельством. Весь труд составили заявление да кнопка «опубликовать», но визитки Андрей Михайлович заказал немедленно — «Главный редактор Межгалактической правды» — и вручал их с лёгким поклоном, как верительные грамоты. Журналистом он с тех пор числит себя официально, при документе. Читателей у издания не завелось ни одного, ну да разве в читателях счастье, когда есть печать.

Окончательно же расчехлиться величию выпало прошлой осенью.

Зашёл Андрей Михайлович в книжный — зятю на день рождения выбирал что-нибудь недорогое — и аккурат напротив носа — Пашкина книга. Стояла спокойно, никого не трогала. Комов взял её, повертел и почувствовал, как в груди поднимается справедливость.

Почему, собственно, Пашка? Двор — один. Школа — одна. Фотоаппараты были одинаковые, «Смена», по червонцу. А в журналах печатают Пашку, и на полке стоит Пашка, и портрет сзади — Пашкин.

Ночь Комов не спал: ворочался, вздыхал, дважды ходил пить воду. Жена Люся пробормотала из-под одеяла: не сердце ли? «Хуже, — ответил Андрей Михайлович. — Судьба». К утру справедливость отвердела в план — простой и красивый, как всё великое: стать писателем, получить признание и миллион, а трудиться при этом не больше, чем привык, — то есть нисколько. Учиться Комов не любил со школы, ра-

ботать — с института, зато в себя верил так, как не всякая мать верит в сына.

— Люся, — сказал он за завтраком, — я ухожу в литературу.

— Мусор по дороге вынеси, — сказала Люся. Она за тридцать лет привыкла: муж уже уходил в бизнес, в политику, в целительство и в резьбу по дереву. Из резьбы вернулся быстрее всех — за час, занозив палец.

С планом Комов явился к Павлу Сергеевичу. Сел на кухне, положил на стол кепку и руки и объявил торжественно, как в загсе:

— Дозрел, Паша. Буду писать. Ты мне только азы покажи — остальное, чувствую, во мне уже есть.

— Что — есть? — не понял Павел Сергеевич.

— Всё, — просто ответил Комов и посмотрел на него взглядом человека, внутри которого действительно всё.

Павел Сергеевич, старый добряк, обрадовался: живая душа тянется к слову. Достал блокнот.

— Ты сильно не углубляйся, — предупредил Комов. — Основное я освоил сам: пролистал тут книжку по писательскому делу — в принципе, всё понял.

— Какую книжку?

— Да не помню В интернете попалась. Я по диагонали глянул.

Павел Сергеевич поперхнулся, но списал на энтузиазм. И начал с простого — что такое история, зачем тексту хребет,

почему читателя нельзя брать за шиворот и возить лицом по своим соображениям. Говорил час — Комов слушал образцово: кивал в нужных местах, поднимал бровь, а один раз даже что-то записал.

Внутри же у Андрея Михайловича шла своя, куда более важная работа. Он прикидывал, какой костюм брать на вручение премии: серый солиднее, зато синий стройнит. Составлял список, кого из двора не позвать на банкет, — список неблагодарных заведён у Комова с восьмого класса и с тех пор только пополняется. Репетировал, что скажет журналистам про трудное детство. А записал он — Павел Сергеевич покосился и умилился: конспектирует! — «купить лампочку в ванную».

Расстались довольные друг другом. Павел Сергеевич — тем, что посеял разумное. Комов — тем, что отбыл формальность и сделался теперь как бы посвящённым.

А через три дня Андрею Михайловичу открылось чудо.

Сосед по гаражу Толик, человек без художественных претензий, показал ему в телефоне нейросеть: даёшь ей задание — она отвечает хоть романом, хоть поэмой, хоть некрологом.

— Чего, — не поверил Комов, — и про графиню может?

— Хоть про графиню, — сказал Толик, — хоть про космос. Ей всё равно.

В ту минуту Андрей Михайлович ощутил то же, что Архимед в ванне. Вопрос учёбы, и так висевший на нём необре-

менительно, отпал вовсе. Зачем хребет, зачем структура, зачем Пашка с блокнотом — вот же она, кнопка — родная, всю жизнь его ждавшая.

Вечером, дождавшись, пока Люся уснёт, Комов сел к телефону и вложил в искусственный интеллект весь свой творческий замысел — тот уместился в восемнадцать слов: «Напиши роман про любовь графини и красного командира, чтобы была стрельба, погони и все плакали. Подлиннее. И красиво».

К полуночи роман был готов. Исторический, о любви, со стрельбой — Комов задумывал широко, нейросеть исполнила послушно. Назывался «Пепел страсти». Перечитывать своё произведение Андрей Михайлович не стал: а зачем, он и так знал, о чём там, — примерно.

Наутро «Пепел страсти» висел на трёх сетевых площадках, а по двору Комов шёл походкой уже не фотографа — походкой прозаика. Соседке Зинаиде Павловне у подъезда было объявлено: «Ушёл в литературу. Совсем». Зинаида Павловна испугалась и на всякий случай поздравила.

Павлу Сергеевичу ссылка была занесена лично — не за отзывом, разумеется, — за восхищением. Тот открыл, прочёл страницу. Фразы были ровные, гладкие и мёртвые, как вставная челюсть: человеку с литературным вкусом машинный текст виден с третьей строки — режет глаз. И Павел Сергеевич осторожно спросил: Андрей Михалыч, а писал-то кто?

— Я! — Комов даже привстал. — От первого до последнего слова мой промпт! Я — Автор промпта! Значит, и роман мой. Что тут непонятного?

Непонятного тут было всё, но спорить Павел Сергеевич не стал — гвоздь, вода. Отметил только про себя, что у эпохи родился новый творческий метод: раньше писали кровью сердца, теперь — заданием на дом. Прогресс, между прочим, гуманный: кровь целее.

Дальше события пошли безжалостно, как арифметика. Народ повёл себя необъяснимо: читать «Пепел страсти» не стал. Живой человек заглядывал на страницу, хлебал первый абзац и выплёвывал — формулировать он не обязан, нюх имеется, — ставил единицу и уходил не прощаясь. К концу месяца рейтинг лежал на дне, как топор, и даже площадка, казалось, слегка стеснялась такого соседства.

А за ужином Люся спросила — без подвоха, по-семейному:

— Ну как там литература твоя?

И Андрей Михайлович впервые за тридцать лет не нашёлся с ответом. Ночь он снова не спал. Но если вы подумали, что он усомнился, — плохо вы знаете породу: эта мысль в комовскую голову не пролазит, двери узкие. Он искал виноватых и техническое решение — и к утру нашёл и то и другое.

Решение было такое: он сел сочинять себе читателей.

И вот тут придётся снять шляпу, потому что работал че-

ловек — как Флобер. У каждой души, рождённой в ту ночь, была биография, характер и стиль. Клавдия Петровна, пятьдесят восемь лет, учительница на пенсии: пишет с сердечками, трогательно путает «-тся» и «-ться» — и оставляет под романом: «Плакала всю ночь. Спасибо вам, добрый писатель». Виктор из Челябинска — мужчина суровый, слов не тратит: «Сильно». Студентка Алиночка сыплет смайликами и клянётся, что забросила ради «Пепла» сериалы. Есть даже скептик Геннадий: сперва сомневался, придирался к графине, «но к третьей главе автор меня убедил». Скептик Геннадий — высший пилотаж, он поставлен в хор для правдоподобия.

С Клавдией Петровной вышла отдельная мука. В первой редакции она получилась слишком грамотной — не верилось. Комов перечитал её отзыв, поморщился, внёс ошибки, расставил сердечки, убрал одно, добавил два — добивался полного жизнеподобия.

Роман свой Андрей Михайлович не перечитал ни разу. Отзыв Клавдии Петровны — трижды.

Тут ведь какая горькая штука выходит. Живую графиню Комов выдумать не может — её за него сочиняет ИИ. А мёртвые души вышли как живые: с судьбами, с грамматикой, с характерами. Работай он над романами с тем тщанием, с каким работает над своими поклонниками, — ей-богу, был бы толк. Но на прозу у него техника, а вдохновение он тратит на аплодисменты.

И вот что я вам скажу, пользуясь случаем: попадётся вам в сети отзыв, где немолодая учительница плачет и благодарит автора, — не спешите умиляться. По моим скромным прикидкам, добрая половина сетевых Клавдий Петровн написана самими авторами. Такое теперь разделение труда: машины пишут книги, писатели сочиняют себе читателей. Каждый творит по способностям.

Оставался пустяк: единицы. Чем-то же надо было их объяснить — не романом же, в самом деле. И хор управился мигом. Юные аккаунты, от роду двух дней, дружно установили: произведение гениально, а топит его зависть. Есть, дескать, тут один — по журналам печатается, на полках стоит, — вот он и мутит воду: конкурента почуял, давит на взлёте. Клавдия Петровна добавила с сердечком: «Не слушайте завистников, добрый писатель». Суровый Виктор подытожил: «Знаем таких».

Дедушка Крылов, помнится, дивился Моське: знать, сильно, коли лает на Слона. Что бы он сказал теперь, когда на слона тьявкает свора, слепленная за один вечер? Моська-то хоть лаяла живьём, собственной глоткой, — тем и заслужила басню. Нынешние моськи и этого не умеют.

Так Павел Сергеевич, не приходя в сознание, был зачислен во враги — на должность, которую в комовском хозяйстве присваивают без собеседования. И, заметьте, на единственную там живую: всё остальное сгенерировано.

Засыпал Андрей Михайлович счастливым, и понять его

можно. Роман — есть. Читатели — есть, вон какие душевные, Клавдия Петровна плакала. Враг — есть, а враг большому человеку положен по штату: гонимый — это, считай, наполовину знаменитый. Оставались сущие мелочи — миллион и вселенная. Но это, рассудил Комов сквозь дрему, уже глава следующая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.